

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-31, 82-32, 930.85, 75.045, 75.046, 75.052
DOI 10.25205/2713-3133-2025-3-39-54

**Гистория о девице Ляцыоне
как русская беллетристическая повесть
времен правления Елизаветы Петровны.
Часть 1: Черты придворного быта**

Любовь Александровна Курышева

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Аннотация

Рукописная повесть «Гистория о девице Ляцыоне» известна в единственном списке, относящемся к 1750–1760-м гг. В первой части статьи рассмотрены вопрос датировки повести и значение такого элемента повествования, как видение.

Культурно-исторические и бытовые детали позволяют отнести возникновение самого беллетристического произведения ко времени правления Елизаветы Петровны. Более того, эстетические ориентиры – описание одежды и украшений, оформление торжественной процессии, упоминание о специализации музыкантов – указывают на придворный быт и моду. В качестве иллюстрирующих параллелей привлечены мемуары секретаря французского посольства Ж.-Л. Фавье, шевалье д’Эона, ювелира И. Позье, академика и первого историографа русской художественной культуры Я. Штелина, а также описание коронационных торжеств в Москве в 1742 г. и др. документальные свидетельства.

Главное место в повествовании занимает описание видения, которое вызывает своим искусством Ляцыона для развлечения гостей. Описано, как из раскрывшихся небес в комнату спускается Венера, сопровождаемая купидонами и Меркурием, в руках она держит скипетр и клубок золотых нитей. Она соединяет влюбленных – Ляцыону и Лудвика, повелев купидонам стрелять в их сердца. Благодаря библейским аллюзиям и высокой концентрации церковно-славянской лексики фрагмент с явлением Венеры получает значение эпизода с высоким семиотическим статусом. Присутствие в образе Венеры атрибутов других женских персонажей – императрицы и Ариадны – приводят нас к версии о том, что под маской Венеры в Гистории выведена сама Елизавета Петровна. Как ранее было показано исследователями, Венера и Ариадна находились в числе излюбленных мифологических персонажей, которые обыкновенно представляли императрицу в придворных празднествах, театральных постановках и декоративно-монументальной живописи. Клубок золотых нитей символизирует помощь, которую подает влюбленным богиня. Высказано предположение о том, что в середине XVIII в. в ходу было употребление образов клубка золотых нитей и лабиринта в качестве мета-

© Курышева Л. А., 2025

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2025. № 3. С. 39–54
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 3, pp. 39–54

Сюжет, мотив, жанр в литературе и фольклоре

форы помощи или выхода из затруднительного положения, на смену которым в конце XVIII в. пришли выражения «Ариаднин клубок» и «Ариаднина нить».

Ключевые слова

русская литература XVIII в., рукописная беллетристика, История о девице Ляцоне, экфрасис, Елизавета Петровна, Дж. Тьеполо, М. И. Воронцов, Е. Р. Дашкова, М. В. Ломоносов

Для цитирования

Курьшева Л. А. История о девице Ляцоне как русская беллетристическая повесть времен правления Елизаветы Петровны. Часть 1: Черты придворного быта // Сюжетология и сюжетология. 2025. № 3. С. 39–54. DOI 10.25205/2713-3133-2025-3-39-54

The Story of Maiden Laciona as a Russian Handwritten Tale from the Age of Elizaveta Petrovna. Part 1: Features of Court Life

Lyubov A. Kuryшева

Institute of Philology
of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Abstract

The Story of Maiden Laciona is a handwritten text, known in a single copy dating back to the 1750s–1760s. This article examines the dating of the tale and the significance of such a narrative element as a vision.

The cultural, historical and everyday details of the story allow us to date its origin to the reign of Elizabeth of Russia (Elizaveta Petrovna). Moreover, the aesthetic markers, such as the description of clothing and jewelry, the design of the ceremonial procession, the mention of the musicians' specialization, refer specifically to the court life and fashion. The markers observed in *The Story of Maiden Laciona* are corroborated by a range of documentary sources, including the memoirs of French embassy secretary J.-L. Favier, Chevalier d'Eon, jeweler J. Pauzié, academician and first historiographer of Russian artistic culture J. Stäehlin, as well as the description of the coronation celebrations in Moscow in 1742.

The main point of the narrative is the description of the vision that Laciona summons with her art to entertain the guests. It is described how Venus descends from the opened heavens into the room, accompanied by cupids and Mercury, holding a scepter and a ball of golden thread in her hands. She unites the lovers – Laciona and Ludvik, commanding the cupids to shoot at their hearts. Due to the biblical allusions and the high concentration of Church Slavonic vocabulary, the apparition of Venus becomes a highly semiotic episode. The image of Venus with attributes of other female characters – the empress and Ariadne – leads us to the version that the Empress Elizabeth herself is veiled beneath the guise of Venus. As previously shown by researchers, Venus and Ariadne were among the favorite mythological characters who usually represented the empress in court festivities, theatrical productions, and decorative and monumental painting. The ball of golden thread symbolizes the help that the goddess gives to lovers. It has been suggested that in the mid-18th century, the images of a ball of golden thread and a labyrinth were used as a metaphor for help or a way out of a difficult situation. They were replaced by the expressions “Ariadne's ball” and “Ariadne's thread” at the end of the 18th century.

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2025. № 3

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 3

Keywords

Russian literature of the 18th century, handwritten fiction, The Story of Maiden Laciona, ekphrasis, Elizaveta Petrovna, G. Tiepolo, M. I. Vorontsov, E. R. Dachkova, M. V. Lomonosov

For citation

Kuryshova L. A. *The Story of Maiden Laciona as a Russian Handwritten Tale from the Age of Elizaveta Petrovna. Part 1: Features of Court Life. Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 3, pp. 39–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-3-39-54

Рукописная «Гистория о девице Ляцоне, баронской дочери аглянских баронов Римскаго и Цесарскаго областей правления, и о ея премудрости» дошла до нашего времени в единственном списке, относящемся к 1750–1760-м гг.¹ Ее содержание весьма необычно и не имеет аналогов в русской рукописной и печатной беллетристике XVIII в. Фабула сводится к бегству девушки со своим возлюбленным из-под опеки отца. При этом, несмотря на популярность подобных сюжетов в русской словесности, в этом сочинении все входящие в традиционную сюжетную схему новеллистические ходы были опущены или редуцированы². Главное место в рассказанной истории отведено описанию видения, которое вызывает своим искусством главная героиня. Эти особенности Гистории заставляют нас искать ответ на вопрос, каковы причины создания повестушки, иными словами – каковы подлинные интенции неизвестного автора и какими событиями оно было вызвано к жизни. И второй вопрос, который на самом деле следовало бы обозначить как стартовый в нашем исследовании, – о времени создания повести.

В настоящей статье мы приведем аргументы в пользу датировки этого беллетристического сочинения эпохой правления Елизаветы Петровны. Более того, мы предложим гипотезу о связи сюжета повести и ее центрального эпизода с событиями в семействе ближайшего сподвижника императрицы – графа М. И. Воронцова.

Культурно-исторические и бытовые реалии елизаветинской эпохи в беллетристическом памятнике

Прежде чем разобрать несколько явленных в тексте характерных примет времени, скажем в общем, что в повести большое внимание уделено передаче торжественных речей, описанию церемоний и разного рода деталям. В свое время П. Н. Берков при описании этапов развития рукописной беллетристики отметил, что в противоположность произведениям петровского времени в конце царствования Анны Иоанновны и в царствование Елизаветы Петровны происходит возврат интереса к высокородным героям, описанию воинских подвигов и пышных придворных ритуалов [Берков, 1949, с. 425]³. Как показало исследование

¹ Публикация литературного памятника: (Гистория о девице Ляцоне, 2024).

² Связи с традицией русской рукописной беллетристики рассмотрены в статье: [Курьшова, 2024].

³ В своих наблюдениях ученый опирался на материал «Гистории королевича Архилабона», «Гистории о царевиче Ярополе», новой редакции повести о матросе Василии.

О. Г. Агеевой, в период правления дочери Петра I были предприняты шаги по разработке и упорядочению государственных церемоний и протоколов официальных взаимодействий [Агеева, 2013, с. 188–243]. Например, в числе результатов этой деятельности находится первый русский постоянный церемониал приема европейских послов (напечатан 14 декабря 1747 г.) [Там же]. В нашей повести в немногих словах и в то же время достаточно подобно описаны этапы торжественной, «зело церемониятельной» встречи, которую устраивает цесарским послам правитель города, последующая организация приема делегации и праздничного ужина, а также содержание приветственных речей (Гистория о девице Ляцыоне, с. 46–47).

Общее сходство елизаветинских нововведений и фокуса на церемониальной стороне дела в нашей Гистории подкреплены специфическими для эпохи культурно-историческими и бытовыми деталями. В начале повести говорится о том, что барон Август, отец главной героини, по решению цесаря «ведал судом и расправой» в городе Аглянец⁴. Применительно к российской системе городского управления в XVIII столетии такая конфигурация относится к вполне определенному историческому периоду. Как мы знаем, в январе 1721 г. Петр I для решения городских дел отдал функцию «суда и расправы» учрежденным при магистрате судам⁵. Однако в феврале 1727 г. его преемница Екатерина I упразднила губернские и провинциальные судебные места, возложив «суд и расправу» на губернаторов и воевод, вследствие чего состоялось воссоединение местной административной и судебной власти⁶. Эта система просуществовала вплоть до эпохи правления Екатерины II [Лаптева, 2016, с. 69–70]. Хотя перед нами беллетристический памятник, и поддержание исторической достоверности отнюдь не могло быть целью автора, мы все-таки можем предположить, что зафиксированная особенность городского административного управления дает основание для датировки Гистории в совокупности с другими деталями. Перейдем к ним.

Упомянутые в литературном памятнике модные вещи позволяют определить время создания повести более узко — эпохой правления Елизаветы Петровны. При этом для дальнейшего хода нашего исследования очень важно, что они связаны именно с придворной повседневностью. Обратим внимание на описание модного платья Ляцыоны и торжественного убранства дороги, а также на специализацию музыкантов, участвующих в празднике, устроенном бароном Августом в честь гостей:

⁴ Устойчивое сочетание «ведать судом и расправой» встречается в памятниках деловой письменности с конца 1670-х гг. в значении «обладать административной и судебной властью» [СОРЯ, 2006, с. 48]. См. также специальную статью: [Зиновьева, 2008].

⁵ Приведем цитату из главы 9 «О судах гражданских» «Регламента или Устава главного магистрата», изданного 16 января 1721 г.: «Того ради милосердуя его царское величество об оной, яко рассыпанной хранине, указал: всех купеческих и ремесленных людей *во всех делах судом и расправой* татинными и разбойными и убивственными делами *ведать* (кроме великих государственных дел) *в главном магистрате*» (Регламент или Устав главного магистрата, с. 193–194).

⁶ Указ Сената «о возложении суда и расправы на губернаторов и воевод» был принят 24 февраля 1727 г. Дальнейшие предпринятые шаги привели к тому, что «обособление судебной власти было остановлено окончательно» [Лаптева, 2016, с. 67].

И егда посол и все гости съехали в дом баронов, тогда повеле барон настилати на стол скатерти и носити кушанье... И как стол отъиде, тогда стали все забавлятися картами, и шахматы, и в тавлеи, *приидоша бонбандуристы и начаши забавлятися играть на разных инструментах*. <...> Ляцыона рада бысть и убралас в *предрагоценное платье, в самару*, и в протчее, на главе же убрала зело пребогатыми вещми. И повеле уготовати от своих апортаментов до отцовых дорогу, по которой возымет путь свой. И *повеле на ту дорогу настилати ковры персидские*, а по сторонам ставить столбы с фонарями, горящими разноцветным огнем. *Одеяние ея бысть самара и протчее, все из серебряной без цветов материи, на главе же многие брандиантовые вещи*. И тако убравшись, со множеством девиц и честных дам изволила шествовать в дом отца своего [с] предъидущими ей *бандуристов* и иных музыкантов и с тонцами и пением девическим (здесь и далее курсив мой. – Л. К.) (История о девице Ляцыоне, с. 47)⁷.

Ляцыона одета остро модно: на ней тип платья «самара» из серебряной материи, голова украшена бриллиантами. Распашное, свободного кроя парадное платье самара было популярно в России на протяжении первой половины XVIII в. [Белогорская, Ефимова, 1985, с. 354]⁸. Однако и позднее, судя по информации, почерпнутой в Камер-фурьерских журналах, – в 1750–1760-е гг. – дамам нередко предписывалось явиться ко двору в самарах⁹. Елизавета Петровна была чрезвычайно внимательна к внешнему облику придворных, с большим увлечением и дотошностью регламентировала дамские туалеты¹⁰. Убор, который, по мнению императрицы, более всего ей подходил, было запрещено носить другим дамам. Вот как описывал вкус императрицы секретарь французского посольства Ж.-Л. Фавье:

В обществе она является не иначе как в придворном костюме *из редкой и дорогой ткани самого нежного цвета, иногда белой с серебром. Голова ея всегда обременена бриллиантами*, а волосы обыкновенно зачесаны назад и собраны наверху, где связаны розовой лентой с длинными, развевающимися концами. Она, вероятно, придает этому головному убору значение диадемы, потому что присваивает себе

⁷ Ср.: «Первой главная персона никогда не следовала – ни в конных и пеших процессиях по улицам городов, ни в церемониальных шествиях внутри дворцов» [Агеева, 2013, с. 132–133].

⁸ О возникновении русского наименования платья «самара» в результате заимствования из французского языка см.: [Епишкин, 2010].

⁹ Благодарю А. А. Костина за указание на соответствующие материалы в Камер-фурьерских журналах. Например, встречаем императорское предписание о крое самары в записи 1755 г. от 9 апреля: «8-го апреля ж, чтоб оне у самар робных воротов или больших выемок не имели, дабы воротник самарный с плеч не спускался, так как робный». В журнале 1760 г. такие записи: «Дамы были в самарах...», «В оный день дамам быть в самарах», «...министрам остаться при столе вечерняго кушанья, которое будет в галерее. В оный день дамам быть в самарах».

Кроме того, автор сердечно признателен за консультацию И. А. Вознесенской, А. Л. Лившицу и М. С. Неклюдовой.

¹⁰ Приведем здесь наблюдения шевалье д'Эона: «В дни придворных праздников императрица отдает приказ статс-дамам и фрейлинам, как она хочет, чтобы они оделись и причесались. Она извещает их также о том, какого цвета на ней будет платье. Это предупреждение дамам ни в коем случае не появляться при дворе в платье такого же цвета» (д'Эон, с. 111).

исключительное право его носить. Ни одно другая женщина в империи не смеет причисляться так, как она» (Фавье, с. 189).

Несколькими годами ранее прибывший в Россию тайный агент французского двора шевалье д'Эон не без сарказма сначала описал в своих мемуарах пристрастия в туалете самой императрицы (они близки приведенному отзыву Фавье), а затем перешел к обыкновениям придворных дам:

Русские дамы <...> носят платья, покрытые золотом и серебром, но часто чулки у них не очень белые, а белье не слишком чистое. Их головы покрыты бриллиантами, и они уважают больше величину бриллианта, чем его чистоту (д'Эон, с. 115).

И. Позье, придворный ювелир Елизаветы Петровны, также отметил любовь к роскоши и бриллиантам императрицы и ее окружения:

Наряды дам очень богаты, равно как и золотые вещи их; *брильянтов придворные дамы надевают изумительное множество*. На дамах, сравнительно низшаго звания, бывает брильянтов на 10–12,000 рублей.

Оне даже в частной жизни никогда не выезжают не *увешанные драгоценными уборами*, и я не думаю, чтобы из всех европейских государынь была хоть одна, имевшая более драгоценных уборов, чем русская императрица (Позье, с. 87; цитата дана в упрощенной орфографии).

Таким образом, можно заключить, что богатое цвета серебра платье Ляцыоны и украшенная бриллиантами прическа соответствовали вкусам самой императрицы и придворной моде.

Ляцыона в сопровождении свиты и музыкантов шествует к дому отца по дороге, специально по этому случаю украшенной фонарями, «горящими разноцветным огнем», и застеленной персидскими коврами. Как известно, широкое использование иллюминации и фейерверков в официальных светских праздниках было введено Петром Первым. В эпоху правления Елизаветы Петровны это искусство достигает особой пышности, зрелищности и продуманности¹¹. По свидетельству Я. Штелина, выступавшего инвектором многих аллегорических представлений в период с 1738 по 1785 г., в эпоху Елизаветы Петровны фейерверки были технологически усовершенствованы, в частности появились цветные огни:

В результате расширенных упражнений и опытов... изобрели зеленый и другие прелестнейшие цветные огни... Огненные упражнения, как и вообще искусство фейерверков, достигли такой высокой степени совершенства, какого до сих пор... кроме российского императорского двора нигде в другом месте еще не видано и не известно (Штелин, Краткая история..., с. 249)¹².

¹¹ О развитии искусства фейерверка в России, в том числе во времена правления Елизаветы Петровны: [Зелов, 2002; Наймарк, 2010; Дедова, 2011]. Я. Штелин, первый историограф искусства огненных зрелищ в России, отмечает, что при Елизавете Петровне фейерверки и иллюминации «вновь настолько вошли в моду при дворе, что ни один придворный праздник не обходился без них» (Штелин, Краткая история..., с. 259).

¹² Из описаний Штелина и содержания проектов иллюминаций, принадлежащих М. В. Ломоносову, становится понятно, что «фонарь» – это один из видов праздничной иллюминации. См.: (Штелин, Краткая история..., с. С. 264), а также лексему «фонарь» в НКРЯ.

Украшение дороги коврами мы находим в описании коронационных празднеств в Москве, состоявшихся в 1742 г.: по пути шествия процессии стены домов были декорированы восточными коврами и дорогими тканями, а непосредственно на территории Кремля коврами и сукном красного цвета была устлана дорога:

В Кремле от решетки до Успенского собора *дорога улана была преизрядными коврами и кармазинного цвета сукнами*. От Успенского собора... *зделаны были нарочно мосты с балстрадами... все покрыты были кармазинного цвета сукнами*; а находящиеся по улицам, по которым Ея Императорское Величество шествие иметь изволила, *дома все убраны были разными украшениями, и из окон по стенам... свешены были изрядные персикские и турецкие ковры и другая разная богатыя материи* (Обстоятельное описание..., с. 5)¹³.

Приведя как параллель описание коронационного торжества, мы далеки от утверждения, что Елизавета Петровна стала прототипом женского персонажа. Ей, как мы покажем далее, отведена роль в повествовании под маской другого лица. Но, определенно, описание торжественной процессии в *Истории* соответствует представлениям Елизаветинского двора о подобающем оформлении пышной церемонии.

В процитированном выше фрагменте *Истории* несколько раз упоминаются музыканты – бандуристы и «бонбандуристы» (об этом последнем словечке мы скажем позднее). Мода при дворе на бандуристов, как и на все малороссийское, особенно возросла в царствование Елизаветы Петровны¹⁴. В своих записках Я. Штелин отметил, что бандура и гусли (иначе – «лежащая арфа») производят музыку «не неприятную для утонченных ушей» и что Украина «поставляет в Россию лучших бандуристов». Он же описал распространение моды за пределы императорского двора: в Москве и Петербурге вошло в обыкновение приглашать украинских исполнителей «в дома именитых господ» в качестве домашних музыкантов (Штелин, Музыка и балет..., с. 78, 80). Некоторые сведения об участии в придворных празднествах певчих капеллы с инструментальной и вокальной музыкой дают сообщения в Камер-фурьерских журналах [Келдыш, 1984, с. 85–86]. Встречаются упоминания о бандуристах в объявлениях «Санкт-Петербургских ведомостей»¹⁵. Например, среди них имеется описание шествия посольской свиты в Константинополе и визита посла к верховному визирю, состоявшихся 22 мая 1741 г.: русского посла сопровождали певчие и бандуристы на конях [Музыкальный Петербург, 2004, с. 41–42]. Музыкальное сопровождение шествия Ляцконе и устроенного ее отцом приема послам соответствует обычаям русского двора. Все вышесказанное приводит нас к выводу о том, что возникновение повести свя-

¹³ Украшение покоев от трона «до столба» персидскими коврами упомянуто также в печатном описании приема главы английского посольства Ч. Уитворта в Грановитой палате в Москве в 1710 г. [Агеева, 2013, с. 157–159].

¹⁴ Главным источником сведений в этом вопросе остается Я. Штелин: (Штелин, Музыка и балет..., с. 132–133). О наборе певцов из Малороссии в придворную капеллу: [Келдыш, 1984, с. 85]. Об участии в придворных спектаклях выходцев из Малороссии начиная с 1730-х гг. см.: [Старикова, 2017, с. 200]. Напомним также, что будущий фаворит императрицы Алексей Григорьевич Разумовский был сначала императорским певчим, а затем бандуристом.

¹⁵ См., например: [Музыкальный Петербург, 2004, с. 106].

зано со временем правления Елизаветы Петровны и даже более того: антураж повести говорит об эстетическом ориентире на придворную моду.

Теперь мы перейдем к рассмотрению фрагмента Гистории, который занимает центральное место в повествовании. В нем редуцирован сюжетный элемент, действие носит преимущественно аллегорический характер.

Библейские аллюзии в видении

Итак, главный эпизод повести это видение, которое вызывает Ляцыона, чтобы развлечь гостей отца и удивить их своими необыкновенными умениями. Эпизод закольцован темой премудрости девушки. Она просит разрешения у отца представить нечто цесарским гостям, чтобы, «видевши мою хитрость», они прославили по возвращении домой «дела и обхождения нашего государства». После того, как видение исчезло, гости вновь удивляются: «Тогда барон, и посол, и Лудвик, и протчие гости зело подивившася красоте и премудрости Ляцыониной» (Гистория о девице Ляцыоне, с. 25, 26).

Каково содержание видения? С небес в сопровождении свиты – купидончиков и Меркурия – спускается Венера и соединяет влюбленных – баронскую дочь Ляцыону и княжеского сына Лудвика, молодого человека в составе цесарского посольства. Предваряя анализ, процитируем полностью фрагмент, содержащий видение:

Тогда восстав Ляцыона, и призва своего камординера, и повеле ему принести водки сиженой из вина хлебнаго два гарца. И егда камординер водки принес, миску серебряную и поставил пред Ляцыону на стол, тогда Ляцыона взявши меч обнажены в руку свою, и подняла высоко, и учинила им комплемент ко всем председаящим. Потом сяде и дунула на водку, того часа водка загорелась различных колеров огнями.

И внезапно всем председаящим помрачишася очи, и видеша друг друга черных аки арапов, токмо едина Ляцыона видом не бысть изменена. И ослабеша всем уды, яко никто же ни двигнутися, ни говорить не могоша. И тако им лежащим внезапно бысть звук и шум на воздухе.

И распустися глобус неба, и слетели два купидона прекраснаго взору, в руках имущи луки, напряжены калеными стрелы, на главе же венцы из лярв леленеющихся. За ними Меркурий идуш играл на скрипице и наигрывал зело предивные танцы. За которыми множество маленьких купидон играющих бежало и некакими разноколнерными цветочками дорогу устилали, по которой дороге шествовала Венера, убрана зело пребогато, и приятностию красоты лица своего превосходила солнечное сияние, имуща в одной руке клубок нитей позлащены, а в другой – скипетр златы, зело преострый. И тако сошедши им с неба затворися глебус и бысть тишина.

И как оное видение вниде в полаты баронские, и Мекурий стал при дверях и наигрывал танец и сим припевал еще:

«Не хотя Парис иным яблока отдати,
Яко ты, Венера, в любви клубок [и]мати».

А сама Венера пришед сяде на стуле, и погледела на всех гостей и на Лудвика, и усмехнулася, и призвав Ляцыону, и даде ей к целованию руку. И она руку поцеловала, и поклоняс отъиде, и сяде с Лудвиком рядом. Тогда Венера приказала двема купидонам, да подшедши стрелами своими ранят обеих тех любителей. И тако купиды подшедше ранили в сердца Лудвика и Ляцыону так жестоко, что не мог Лудвик

умолчать и закричал: «Ах, что тако ты, Венера, над нами учинила, ныне кроме любезных моей Ляцоне кто такую мне рану излечит!».

И того часа невидимо бысть видение. То и все быша в чувстве, и отверзашася всем очи, и быша аки от сна вставше, и вси дивишася бывшему. Тогда и огонь в водке перестал гореть» (История о девице Ляцоне, с. 26).

Описание сошествия Венеры с небес наполнено библейскими аллюзиями, при этом содержание эпизода остается абсолютно светским. Во-первых, начало магического сеанса напоминает несколько видоизмененное Преображение Христа на горе Фавор. Сравним: «И по шести днх поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна, и возведе их на гору высокою особь едины: и преобразися пред ними. И ризы его быша блещашася, белы зело яко снег, яцех же не может белильник убелити на земли» (Мк, 9: 2–3); «И преобразися пред ними, и просветися лице его яко солнце, ризы же его быша белы яко свет» (Мф, 17: 2) ¹⁶. В отличие от евангельского сюжета, в котором одежды и лицо Христа становятся белыми и светящимися, в Гистории все гости становятся черными, как арапы, внешность Ляцоне не изменяется, и только Венера является в блеске света (об этом ниже). Во-вторых, на «входе» и «выходе» из видения используется в высокой концентрации церковнославянская лексика и соответствующие грамматические формы:

И *внезапу* всем председящим *помрачашася* очи, и *видеша* друг друга черных *аки* арапов, *токмо* *едина* Ляцонею видом не *бысть* изменена.

И *ослабеша* всем *уды*, *яко* никто же ни *двигнутися*, ни говорить не *могаша*. И *так* им лежащим *внезапу* *бысть* звук и шум на воздухе. <...>

И того часа невидимо *бысть* видение. То и все *быша* в чувстве, и *отверзашася* всем *очи*, и *быша* *аки* от сна *вставше*, и вси *дивишася* бывшему.

Помимо аллюзии на Преображение Христа на горе Фавор, как нам кажется, здесь же имеется реминисценция эпизода сошествия Святого Духа на апостолов. Сравним третье предложение в приведенной выше цитате с новозаветным текстом: «И бысть внезапно с небесе шум, яко носиму дыханию бурну, и исполни весь дом, идеже бяху седяще» (Деян, 2: 2). В целом, образный язык, концентрация церковнославянизмов в описании видения и в какой-то степени ритм фрагмента дают впечатление пастыша из Библии и богослужебных текстов, что, безусловно, указывает на высокую семиотическую значимость эпизода в контексте всей повести ¹⁷.

¹⁶ Цит. даны по изданию Елизаветинской Библии 1751 г.: Елизаветинская Библия. Издание 1751 г.: URL: <https://archive.org/details/bibliasiriechknio4luik/mode/2up>. См. также издание 1762 г., воспроизводящее исправленное издание 1756 г. на сайте РГБ: URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004092142?page=5&rotate=0&theme=white> (дата обращения 30.05.2024). Приведенные фрагменты не отличаются от соответствующих фрагментов второго исправленного издания 1756 г.; цитаты приведены в упрощенной орфографии.

¹⁷ Подчеркнем, что смесь лексики и грамматических форм церковнославянского и русского языков в целом характерна для всей повести. Например: глаголы пр. вр. «бысть» и «был», «изыдоша» и «взирали», деепр. «видев» и «видевше», имена существительные «дщерь» – «дочь» – «доч», местоимения ж. р. в Р. п. «ея» – «ю», имена существительные в Т. п. мн. ч. «славен своими ковалеры... своими баронами». При этом особенно высокая концентрация церковнославянского языка характерна для начала повести, при передаче торжественных речей и церемоний, а также в описании видения. Во второй части

Атрибуты богини: скипетр, клубок, яблоко

Атрибуты Венеры в видении заявляют нечто о ее главенствующих ролях. Прежде всего образ богини сопровождают атрибуты императорской власти. Спускаясь с небес, в одной руке Венера держит клубок золотых нитей, в другой – золотой скипетр. Оба предмета мерцают другими аллюзиями. Клубок золотых нитей в паре со скипетром призван напомнить о державе. Вместе с тем характеристика скипетра – «зело преострый» – отсылает к любовным стрелам амура и вызывает в памяти главный мифологический атрибут богини, как бы сообщая, что клубок золотых нитей – это одновременно золотое яблоко, подаренное ей некогда Парисом.

Почему же все-таки Венера при появлении держит в руке клубок, а не державу и не яблоко? Смысл этого образа открывает песня, которую напевает Меркурий: «Не хотя Парис иным яблока отдати, / Яко ты, Венера, в любви клубок [и]мати»¹⁸. Согласно мифологии, Венера получила от Париса золотое яблоко, потому что обещала наградить его любовью самой прекрасной женщины. В нашей песенке Меркурия богиня предстает помощницей в любовных делах (и это подтверждено последующими событиями в видении). Именно поэтому, как мы считаем, она держит в руках клубок золотых нитей – в данном контексте символ помощи влюбленным или путеводительства в любовных делах.

Опираясь на данные Словаря русского языка XVIII в. и Национального корпуса русского языка, можно предположить, что в середине XVIII в. выражения «нить Ариадны», «Ариаднина нить [нитки, клубок]» в значении ‘помощь’, ‘путеводная нить’ еще не были в ходу, а приобрели популярность позднее, на рубеже XVIII–XIX вв.¹⁹ И хотя история Ариадны и Тезея, по-видимому, и ранее была хорошо известна в России, мы пока не встретили упоминаний о «клубке» вкупе с именем критской царевны ранее конца XVIII в. (в прямом значении или метафорическом ключе)²⁰. Зато встречаем употребление словосочетания «золотая нить» в контексте развернутой метафоры (с упоминанием Лабиринта) в переносном значении – ‘помощь’, ‘выход из опасной ситуации’ – в переведенном на русский язык трактате Б. Грасиана «Придворный человек» (пер. с фр. С. С. Волочкова, 1742): «Сею золотою ниткою Тезей Французской, Генрик IV, премудро вышел из Лабиринту великих бед и напастей своих»²¹. Так и в нашей Гистории имя

повести, следующей за видением, преобладают формы русского языка среднего стиля. В тексте также встречается явно разговорная лексика («куды», «братец», «нихто», «утти»).

¹⁸ В ритме виршей в том виде, в каком они зафиксированы в списке, явно не хватает одного слога; из этих соображений и на основании прозаического текста, предшествующего двустушию, было внесено исправление «мати» на «имати»; хотя форма «мати» могла бы быть расценена как украинизм.

¹⁹ Словарь русского языка XVIII в. регистрирует выражение «Ариаднинный клубок» самое раннее – в издании 1798 г., а «Ариаднина нить» и «нить Ариадны» – 1790-ми гг. [СлРЯ, 1984, с. 89]. Близкую картину дает Национальный корпус русского языка, см. там лексические единицы «Ариадна» и «нить Ариадны».

²⁰ Вспомним также в качестве примера написанную в 60-е гг. М. М. Херасковым в подражание Овидию героиду «Ариадна Тезею»: там упомянуты Лабиринт и полученная от Ариадны помощь, но ничего не сказано о средстве спасения – золотой нити или клубке.

²¹ Поиск на словарную статью «Тезей» на ресурсе НКРЯ.

Ариадны не упомянуто, но клубок золотых нитей означает помощь влюбленным. Сошедшая с небес Венера явно покровительствует Ляццоне и Лудвику²².

Выше мы констатировали, что в Гистории образ Венеры сопровождается императорскими инсигниями. Как богине и как императрице ей отдает почеть Ляццона – кланяется и целует руку. Кроме того, от богини исходит свет: «приятностию красоты лица своего превосходила солнечное сияние». Светозарный лик Венеры напоминает об образной рифмовке «Елисавет» – «свет», столь характерной для адресованных императрице панегириков. Ограничусь только одним примером: «Когда в Отеческой короне / Блеснула на Российском троне / Яснее дня Елисавет; / Как ночь на полдень пременилась, / Как осень нам с весной сравнилась, / И тьма произвела нам свет» (М. В. Ломоносов, Ода на день восшествия..., с. 129)²³.

Итак, мы предполагаем, что эстетическое оформление Гистории не только отражает придворный вкус эпохи Елизаветы Петровны, но что в образе благоволящей к влюбленным Венеры была выведена на авансцену сама императрица. Напомним, что Венера в повести имеет атрибуты и императорской власти, и Ариадны. Мерцающий в повести другими масками образ Венеры – императрица, Ариадна – совпадает с «излюбленными... мифологическими персонажами» (Я. С. Соколова), которые повсеместно использовались для репрезентации образа императрицы²⁴.

Необычность содержания видения и гипотеза о намёке на императрицу Елизавету Петровну как на действующее лицо побудили нас искать близкий сюжет в художественной культуре эпохи и предположить в Гистории повесть с ключом. Эти вопросы будут освещены во второй части нашей статьи.

Список литературы

Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М.: Новый хронограф, 2013. 928 с.

Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.

²² Ляццона и Лудвик встречаются на приеме, устроенном бароном в честь цесарского посольства, и сразу влюбляются друг в друга, в продолжение вечера они танцуют вместе, подают друг другу знаки симпатии; в видении, вызванном Ляццоной, Венера соединяет их – велит купидонам стрелять в сердца, явно давая понять, что одобряет этот союз.

²³ Н. Ю. Алексеева показала, что тема «прославления доброт», а также «распространяемого от трона света... тема восхода солнца и уподобления его императорской милости» пришли в ломоносовскую оду, прославляющую Елизавету Петровну, из од Штелина, адресованных Анне Иоанновне [Алексеева, 2005, с. 139]. Начиная с Ломоносова, поэтическое соединение «света» и имени «Елисавета» стало общепотребительным.

²⁴ Помимо аллюзий на библейские женские персонажи, Елизавета Петровна представляла в придворных празднествах, театральных постановках и декоративно-монументальной живописи в образах Ариадны, Венеры, Дианы и Минервы. Исследовательница декоративно-монументальной живописи эпохи Я. С. Соколова, обобщая опыт предшественников и свои наблюдения, представила этот вопрос в работе: [Соколова, 2022, с. 638–639]. Пользуюсь возможностью поблагодарить Я. С. Соколову за личную консультацию.

Белогорская Р. М., Ефимова Л. В. Одежда // Очерки русской культуры XVIII века. М.: МГУ, 1985. Ч. 1. С. 343–368.

Берков П. Н. О так называемых «петровских повестях» // ТОДРЛ. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 419–427.

Дедова Е. Б. Аллегорические образы в искусстве фейерверков и иллюминаций в России середины XVIII века: К проблеме панегирического направления в художественной культуре Елизаветинского времени: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 30 с.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭСТ, 2010. 5140 с.

Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы). М.: Едиториал УРСС, 2002. 304 с.

Зиновьева Е. И. Концепт «ведания» в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Вестник СПбГУ. Серия 9: Филология. Востоковедение. 2008. Вып. 1. С. 52–53.

Келдыш Ю. В. Пути развития русской музыки в послепетровскую пору (30–60-е гг.) // История русской музыки. М., 1984. Т. 2: XVIII век. Ч. 1. С. 65–90.

Курышева Л. А. История о девице Ляцыоне: сюжетно-мотивный состав повести в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков // Сюжетология и сюжетология. 2024. № 3. С. 27–45. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

Лантева Л. Е. Судебные преобразования в Российской империи середины XVIII в. как предпосылка создания правовых основ деятельности государственных учреждений // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 57–75.

Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь / Отв. ред. А. Л. Порфирьева. СПб.: Издательство «Композитор – Санкт-Петербург», 2004. Т. 1: XVIII век. Кн. 7: Музыкальные инструменты в газетах «Санктпетербургские ведомости» и «Sankt-Petersburgische Zeitung» 1728–1780. 320 с.

Наймарк Е. А. Фейерверки в официальных торжествах России первой половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 26 с.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: Наука, 2006. Вып. 2. 340 с.

СЛРЯ – Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984, Вып. 1. 224 с.

Соколова Я. С. Некоторые замечания о живописном плафоне Бартоломео Тарсия из Танцевального зала Большого Петергофского дворца // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2022. Т. 12, вып. 4. С. 628–646.

Старикова Л. М. Театрально-зрелищная жизнь российских столиц в эпоху Анны Иоанновны // Вопросы театра. 2017. № 3–4. С. 117–221.

Список источников

История о девице Ляцыоне / Подгот. Л. А. Курышевой // Сюжетология и сюжетология. 2024. № 3. С. 45–51. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

[d'Эон, шевалье] Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской / Пер. с фр. А. С. Мезина // Мезин С. А. Неизвестное произведение французской России середины XVIII века «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской»

сийской». Вводная статья, текст, комментарии. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2019. С. 99–137.

Елизаветинская Библия. Издание 1751 г.: URL: https://archive.org/details/biblia_siriechkni04luik/mode/2up (дата обращения 30.05.2024).

Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 128–134.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 30.05.2024).

Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейшаго державнейшаго великия государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Имп. Академия наук, 1744. 168 с.

[Позье И.] Записки придворного бриллианщика Иеремии Позье 1729–1764 // Русская старина. 1870. Т. 1, № 1–6. С. 41–127.

Регламент или Устав главного магистрата // Реформы Петра I: Сб. док. / Сост. В. И. Лебедев. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/magstrat.htm> (дата обращения 30.05.2024).

[Фавье Ж.-Л.] Русский двор в 1761 году // Русская старина. 1878. Т. 23, № 10. С. 187–206.

Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. СПб.: Издательство «Союза художников», 2002. 311 с.

[Штелин Я.] Краткая история искусства фейерверков в России // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России: В 2 тт. / Сост., пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. В. Малиновского. М.: Искусство, 1990. Т. 1. С. 238–272.

References

Ageeva O. G. Diplomaticeskii tseremonial imperatorskoi Rossii. XVIII vek [Diplomatic ceremonial of Imperial Russia. 18th century]. Moscow, Novyi Khronograf, 2013, 928 p. (in Russ.)

Alekseeva N. Yu. Russkaya oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh [Russian Ode: Development of the Ode Form in the 17th – 18th Centuries]. St. Petersburg, Nauka, 2005, 369 p. (in Russ.)

Belogorskaya R. M., Efimova L. V. Odezhda [Cloth]. In: Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka [Essays on Russian culture of the 18th century]. Moscow, 1985, pt. 1, pp. 343–368. (in Russ.)

Berkov P. N. O tak nazyvaemykh “petrovskikh povestyakh” [About the so-called “Petrine stories”]. In: Works of the Department of Old Russian Literature. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 7, pp. 419–427. (in Russ.)

Dedova E. B. Allegoricheskie obrazy v iskusstve feierverkov i illyuminatsii v Rossii sere diny XVIII veka: K probleme panegiricheskogo napravleniya v khudozhestvennoi kul'ture Elizavetinskogo vremeni [Allegorical images in the art of fireworks and illuminations in Russia in the mid-18th century: On the problem of the panegyric trend in the

artistic culture of the Elizabethan era]. Abstract of Cand. Art Sci. Diss. Moscow, 2011, 30 p. (in Russ.)

Epishkin N. I. Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka [Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language.] Moscow, EST, 2010, 5140 p. (in Russ.)

Keldysh Yu. V. Puti razvitiya russkoi muzyki v poslepetrovskuyu poru (30–60-e gg.) [The development of Russian music in the post-Petrine era (1930s–1960s)]. In: Istoriya russkoi muzyki [History of Russian music]. Moscow, 1984, vol. 2, pt. 1, pp. 65–90. (in Russ.)

Kuryshcheva L. A. Gistoriya o devitse Lyatsyone: syuzhetno-motivnyi sostav povesti v kontekste russkoi belletristiki XVII–XVIII vekov [The Story of the Maiden Laciona: Plot and Motif Composition of the Handwritten Tale in the Context of Russian Fiction of the 17th – 18th Centuries]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 27–45. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

Lapteva L. E. Sudebnye preobrazovaniya v Rossiyskoi imperii serediny XVIII v. kak predposylka sozdaniya pravovykh osnov deyatelnosti gosudarstvennykh uchrezhdenii [Judicial reforms in the Russian Empire in the mid-18th century as a prerequisite for the creation of legal foundations for the activities of state institutions]. *RUDN Journal of Law*, 2016, no. 3, pp. 57–75. (in Russ.)

Muzykal'nyi Peterburg: Entsiklopedicheskii slovar' [Musical Petersburg. Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 2004, vol. 1, pt. 7, 320 p.

Naymark E. A. Feerverki v ofitsial'nykh torzhestvakh Rossii pervoi poloviny XVIII veka [Fireworks in official celebrations in Russia in the first half of the 18th century]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2010. St. Petersburg, 2010, 26 p. (in Russ.)

Slovar' obikhnodnogo russkogo yazyka Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv. [Dictionary of everyday Russian language of Moscow Rus' in the 16th – 17th centuries]. St. Petersburg, Nauka, 2006, iss. 2, 340 p. (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XVIII v. [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, Nauka, 1985, vol. 4, 224 p. (in Russ.)

Sokolova Ya. S. Nekotorye zamechaniya o zhivopisnom plafone Bartolomeo Tarsia iz Tantseval'nogo zala Bol'shogo Petergofskogo dvortsa [Some remarks on the painted ceiling painting by Bartolomeo Tarsia from the Ballet Hall of the Great Peterhof Palace]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 628–646. (in Russ.)

Starikova L. M. Teatral'no-zrelishchnaya zhizn' rossiiskikh stolits v epokhu Anny Ioannovny [Theatrical and entertainment life of Russian capitals in the era of Anna Ioannovna]. *Problems of the theatre*, 2017, no. 3–4, pp. 117–221. (in Russ.)

Zelov D. D. Ofitsial'nye svetskie prazdniki kak yavlenie russkoi kul'tury kontsa XVII – pervoi poloviny XVIII veka (istoriya triumfov i feerverkov ot Petra Velikogo do ego docheri Elizavety) [Official secular holidays as a phenomenon of Russian culture of the late 17th – first half of the 18th century (the history of triumphs and fireworks from Peter the Great to his daughter Elizabeth)]. Moscow, 2002, 304 p. (in Russ.)

Zinoveva E. I. Kontsept “vedaniya” v obikhnodnom yazyke Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv. [The concept of “knowledge” in the colloquial language of Muscovite Rus' in the 16th – 17th centuries]. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2008, vol. 9, no. 1, pp. 52–53. (in Russ.)

List of Sources

Gistoriya o devitse Lyatsyone [The Story of the Maiden Laciona]. Ed. by L. A. Kurysheva. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 45–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

d'Eon, Chevalier. Sekretnye anekdoty o dvore imperatritsy Vserossiiskoi [Secret anecdotes about the court of the Empress of All Russia]. In: Mezin S. A. Neizvestnoe proizvedenie frantsuzskoi Rossiki serediny XVIII veka “Sekretnye anekdoty o dvore imperatritsy Vserossiiskoi” [An unknown work by French Rossika from the mid-18th century, “Secret Anecdotes about the Court of the Empress of All Russia”]. St. Petersburg, 2019, pp. 99–137. (in Russ.)

Elizavetinskaya Bibliya [Elizabethan Bible]. Edition of 1751. (in Russ.) URL: <https://archive.org/details/bibliasiriechkn04luik/mode/2up> (accessed 30.05.2024).

Lomonosov M. V. Oda na den' vosshestviya na prestol ee velichestva gosudaryni imperatritsy Elisavety Petrovny 1748 goda [Ode on the day of accession to the throne of Her Majesty Empress Elizabeth Petrovna 1748]. In: Lomonosov M. V. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Leningrad, 1965, pp. 128–134. (in Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 30.05.2024).

Obstoyatel'noe opisanie torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestviya v tsarstvuyushchii grad Moskvu i svyashchenneishago koronovaniya eya avgusteishago imperatorskago velichestva vsepresvetleishiya derzhavneishiya velikiya gosudaryni imperatritsy Elisavety Petrovny samodержitsy vserossiiskoi ezhe byst' vshestie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda [A detailed description of the ceremonial procedures of the successful entry into the reigning city of Moscow and the most sacred coronation of Her August Imperial Majesty, the Most Serene, Most Sovereign, Great Sovereign Empress Elizabeth Petrovna, Autocrat of All Russia, which took place on February 28 and the coronation on April 25, 1742]. St. Petersburg, 1744, 168 p. (in Russ.)

Pauzié J. Zapiski pridvornogo brilliantshchika [Notes of a Court Diamondsmith]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1870, vol. 1, no. 1–6, pp. 41–127. (in Russ.)

Reglament ili Ustav glavnogo magistrate [Rules or Statutes of the Chief Magistrate]. In: Lebedev V. I. (ed.). Reformy Petra I: Sbornik dokumentov [Reforms of Peter I: Collection of documents]. Moscow, 1937. (in Russ.) URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/magstrat.htm> (accessed 30.05.2024).

Favier J.-L. Russkii dvor v 1761 godu [Russian court in 1761]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1878, vol. 23, no. 10, pp. 187–206. (in Russ.)

Stäehlin J. von. Muzyka i balet v Rossii XVIII veka [Music and ballet in Russia in the 18th century]. St. Petersburg, 2002, 311 p. (in Russ.)

Stäehlin J. von. Kratkaya istoriya iskusstva feierverkov v Rossii [A Brief History of Fireworks Art in Russia]. In: Malinovskiy K. V. (ed.) Zapiski Jacoba Stäehlina ob izyashchnykh iskusstvakh v Rossii [Jacob Staehlin's Notes on Fine Arts in Russia]. In 2 vols. Moscow, 1990, vol. 1, pp. 238–272. (in Russ.)

Сюжет, мотив, жанр в литературе и фольклоре

Информация об авторах

Любовь Александровна Курышева, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Lyubov A. Kuryшева, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 10.06.2025;
одобрена после рецензирования 12.07.2025; принята к публикации 12.07.2025
The article was submitted on 10.06.2025;
approved after reviewing on 12.07.2025; accepted for publication on 12.07.2025*